

ПОЭМЫ

***В.А. Жуковского в
контексте жанровых
традиций и исканий
европейских литератур***

Введение

- Творчество Жуковского, биографические и поэтологические аспекты его наследия исследовались на протяжении двух последних столетий, существует огромный массив разнообразных работ, посвященных различным аспектам его творчества. Изучение новых, в том числе документальных и текстологических материалов создает широкий фундамент, на который по-новому опирается каждое новое поколение литературоведов. Освобождение от идеологической предвзятости, которая в значительной мере характеризовала советскую гуманитарную науку, способствовало пересмотру многих устоявшихся в советскую эпоху представлений. Накопленные в отечественной и зарубежной филологии новые представления о жанровых процессах развития романтизма, литературы рубежа XIX и XX вв., о процессах межлитературного взаимодействия создают предпосылки для пересмотра, уточнения сложившихся представлений, для освоения тех аспектов наследия Жуковского, которое располагается в пространстве таких взаимодействий.

Исследователи творчества

- Автором первой монографической и обобщающей работы о поэзии Жуковского стал Н.А. Полевой. Рецензию на две части «Баллад и повестей» Жуковского 1831 г. Полевой написал в виде очерка творчества русского поэта. Полевой рассматривает поэзию Жуковского как явление законченное. Он вообще лишает творчество Жуковского какого-либо развития. Созданные в начале творческого пути стихотворения «Вечер», «К Нине», «К Филарету» критик считает воплощением всей его поэзии. «Все остальное, — замечает он, — есть только дополнение к сим превосходным созданиям»^[1]. Такая установка не позволила Полевому понять значение поэзии Жуковского в истории русского романтизма, в духовной жизни общества.

■ ^[1] Полевой Н.А. Очерки русской литературы. – СПб., 1839, с. 95.

Исследователи творчества

- Принципиально новым словом о Жуковском стали статьи и рецензии В.Г. Белинского. Именно Белинскому удалось выявить место и значение Жуковского в русской литературе. Уже в первом программном сочинении «Литературные мечтания» (1834) критик писал о Жуковском: «Он был Колумбом нашего отечества»^[1].

Белинский «подвиг Жуковского видит в том, что он «выразил собою столько же необходимый, сколько и великий момент в развитии духа целого народа»^[2]

Белинский «подвиг Жуковского видит в том, что он «выразил собою столько же необходимый, сколько и великий момент в развитии духа целого народа»^[2], «ввел в русскую поэзию романтизм»^[3] Белинский «подвиг Жуковского видит в том, что он «выразил собою столько же необходимый, сколько и великий момент в развитии духа целого народа»^[2], «ввел в русскую поэзию романтизм»^[3]. Белинский первый заявил о новой направленности в поэзии Жуковского. Анализируя содержание его поэзии, Белинский обращает особое внимание на характер ее психологизма: она говорила «не о ярком блеске иллюминаций, не о громе побед, а о таинствах сердца, о таинствах внутреннего мира души»^[4].

В цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» (статья вторая) критик подробно анализирует этапы формирования романтизма в России. Он считает, что первоначально понятие «романтизм» было неверно воспринято как противоположность французскому псевдоклассицизму: «Отсюда вышла ошибка: как под «классицизмом» разумели известную условную форму искусства, так под «романтизмом» стали понимать нарушение правил этой условной формы»^[5]. Важно замечание Белинского относительно того, что некоторые критики, в частности г. Полевой, не заметили в Жуковском романтика.

^[1] Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. – Т. 1, с. 62.

^[2] Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. – Т. 3, с. 507.

^[3] Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. – Т. 7, с. 144.

^[4] Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. – Т. 5, с. 516.

Исследователи творчества

- Революционно-демократическая критика в лице Чернышевского и Добролюбова старалась дать более объективную оценку творчеству поэта. Упоминания о Жуковском в статьях Н.А. Добролюбова немногочисленны. Молодой критик неоднократно в тяжелые дни своей жизни обращался к его поэзии: «...его элегическая поэзия действовала еще больше на мою горечь. Каждая фраза, каждый намек на смерть, на вечную разлуку с любимыми страшно отзывался в моем сердце. Со слезами повторял я эти стихи...»^[1] Революционно-демократическая критика в лице Чернышевского и Добролюбова старалась дать более объективную оценку творчеству поэта. Упоминания о Жуковском в статьях Н.А. Добролюбова немногочисленны. Молодой критик неоднократно в тяжелые дни своей жизни обращался к его поэзии: «...его элегическая поэзия действовала еще больше на мою горечь. Каждая фраза, каждый намек на смерть, на вечную разлуку с любимыми страшно отзывался в моем сердце. Со слезами повторял я эти стихи...»^[1]. «На этих днях повторял я Жуковского: он много утешил меня»^[2], – сообщает Добролюбов в письмах начала 1854 г., вызванных смертью матери. О знакомстве «в рукописи» с поэмой Жуковского «Странствующий жид», о чтении первого тома его стихотворений он говорит в письмах этого периода.

Исследователи творчества

- Н.Г. Чернышевский в работе «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность», в статье «Сочинения В. Жуковского», в рецензиях на издания сочинений Пушкина, Ростопчиной, сборники «Пропилеи» и «Шиллер в переводе русских поэтов» неоднократно упоминает имя Жуковского. Более того, он намечает своеобразный литературный ряд: Жуковский – Пушкин – Лермонтов, тем самым выделяет три этапа русской поэзии, три поколения русских поэтов. Чернышевский сравнивает творческую деятельность Жуковского с деятельностью великих немецких поэтов и мыслителей – Шиллера и Лессинга.
- В статье «Сочинения В. Жуковского» критик при помощи иронического комментария раскрывает «реакционность» общественно-политической позиции позднего Жуковского. Несмотря на язвительность общего тона, Чернышевский пишет «о художественном и историческом значении поэтических произведений Жуковского»^[1], подчеркивает важность дальнейшего изучения его поэзии, в частности, вопроса о его влиянии «на других наших замечательных писателей», в особенности на Гоголя. И хотя он сам отрицательно относится к этому влиянию, его призыв к изучению наследия Жуковского не мог не привлечь внимание современной критики.
- ^[1] Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – М., 1948. – Т. 4, с. 581.

Исследователи творчества

- К.К. Зейдлиц выступал как биограф поэта, хранитель памяти о нем. Сорокалетнее его знакомство с Жуковским и родными поэта позволило не просто создать первую полную биографию русского романтика, но и наполнить ее не известными ранее материалами. Загарин же уделяет особое внимание «духовной биографии» Жуковского. Он обращается к истории формирования его мировоззрения. Пафосом книги Загарина становится утверждение именно своеобразия, самобытности Жуковского.

Исследователи творчества

- В 1888 г. на торжественном собрании Исторического общества Нестора-Летописца была прочитана речь «Романтика на Западе и в поэзии В.А. Жуковского». Она вошла в сборник статей по новой русской литературе академика Н.П. Дашкевича. Речь интересна и важна, так как подводит своеобразный итог тем тенденциям, которые сложились в русской литературе и критике в подходе к романтизму и к наследию Жуковского к концу столетия. Автор рассматривает романтизм как широкое общественное и общеевропейское культурное движение, как никогда органично втянувшее в сферу своих эстетических исканий и интересов Россию: «Никогда еще до того времени мы не сживались так тесно с Западом, никогда еще мы не увлекались в такой мере его идеалами и не проникались ими так сердечно»^[1]. Автор не стремится определить те или иные идеологические тенденции романтизма, выделить какие-то особенные национальные его черты – он стремится охватить явление в целом, обозначить важнейшие его особенности, огромное значение, именно этот контекст позволяет ему увидеть роль Жуковского в русской литературе. Ученый исходит из методологически верной посылки: «Для того, чтобы понять смысл новой романтики, необходимо выяснить ход развития и значение всей новейшей истории» (74). Романтизм трактуется как новаторская эстетическая система, которая была не просто направлена против классицизма, но заключала в себе «стремление дать в литературе полный простор всем началам нового времени, томительное желание поставить широкий идеал, который не был бы прикован к ближайшей действительности, был бы чужд узости и сухости, заключал бы в себе больше простоты, свежести и полноты, охватывал бы все стороны человеческой жизни: чувство религиозное, любовь к природе, наклонности эстетические, – которыми, наконец, восстановил бы порванную связь с прошлым, отвергнутым отрицателями XVIII века» (76). При этом подчеркивается «особое внимание к внутреннему индивидуальному чувству». Приведенная характеристика исключает какую бы то ни было идеологическую предвзятость автора, позволяет ему осмыслить те заслуги Жуковского, которые в свете изучаемого нами материала представляются особенно важными.

^[1] Статьи по новой русской литературе академика Н.П. Дашкевича. Петроград, 1914. С. 72. Далее текст работы цитирую по этому изданию, указывая страницу в скобках.

Исследователи творчества

- В 1902 г. в Одессе выходит работа В.Ф. Лазурского «Западноевропейский романтизм и романтизм Жуковского». В ней автор рассматривает творчество Жуковского в связях с теми процессами развития романтизма, которые характеризовали литературу Франции, Германии, Англии и показывает, что русский поэт был чужд многим традиционно относимым к романтизму писателям, например, Гюго, Ф. Шлегелю и даже Байрону, но зато ему был дорог и близок Шиллер. Автор доказывает, что Жуковский-переводчик, поэт был русским и оригинальным художником. В.Ф. Лазурский убеждает читателя не конкретным анализом, а очевидностью и точностью аргументов: «Муза Жуковского в нашей литературе наполовину иностранная. Было немало читателей и критиков, которые смеялись над тоном его произведений, считая его сентиментальным, не русским. А Жуковский продолжал вносить новые и новые сокровища в нашу литературу, и все должны были сознаться, что этот поэт-переводчик принес ей гораздо больше пользы, чем множество других поэтов, хотевших быть «оригинальными». Он романтик. Волновавшие его чувства и живая фантазия всегда преобладали у него над теоретическим разумом и практическим рассудком. Но его романтизм самобытен; потому что он был всегда искренним; его романтизм лишен всего болезненного, нездорового, потому что чувства в нем преобладали над разумом, но не подавляли его» [1].

[1] Лазурский В.Ф. Западноевропейский романтизм и романтизм Жуковского. Одесса, 1902. С. 16..

Исследователи творчества

- Одним из самых значительных трудов о творчестве В.А. Жуковского является монография А.Н. Веселовского, известного историка и теоретика литературы, который, анализируя весь творческий путь поэта, отмечает связь В.А. Жуковского с творчеством Дж. Байрона, И. В. Гёте, Ф. Шиллера. Он не анализирует каждый перевод Жуковского отдельно, а выделяет общие черты, присущие манере В.А. Жуковского в переводных произведениях. Так, он утверждал, что у Жуковского «...своё могло возникнуть только в чужом»^[1], но это чужое, в свою очередь в контексте перевода становится своим. Главное достоинство труда Веселовского – сам масштаб осмысления личности и творчества поэта. Не уступая своим предшественникам в богатстве изучаемого материала, литературовед рассматривает Жуковского и его творчество как выражение определенного мирозерцания, как «особый общественно-психологический тип». Творческая биография Жуковского в книге представляет собой летопись духовной и умственной жизни его эпохи. Каждое событие в биографии поэта рассматривается как звено в становлении его мирозерцания, как отражение веяний времени.

^[1] Веселовский А.Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – М., 1999, с. 34.

Исследователи творчества

- Иванов-Разумник Р.В., цитируя В.Г. Белинского, пишет о романтизме как о вечном свойстве человеческой души, перенося эти свойства на различные эпохи. Такой подход сочетался с попытками, весьма удачными, раскрыть свойства романтизма, отделить его от проявления сходного мироощущения в другие эпохи исторического развития литературы. Автор видит особенность романтизма в «стремлении и проникновении «за пределы предельного» (С. 69). Ставит знак равенства между мистицизмом и религиозным романтизмом, подчеркивает иррационалистичность романтизма, роль мотива титанизма в «этическом романтизме», мысли – в логическом, любви в романтизме эстетическом. Соотнеся свою модель с национальными типами романтизма, автор пришел к парадоксальному выводу, что немецкий романтик не обязательно принадлежит к немецкому романтизму, а англичанин и француз могли принадлежать к французскому, что никак не способствовало убедительности предложенной концепции. Но вывод относительно России и того интереснее – в России не было романтизма, а Жуковский был немецким псевдоромантиком – главным представителем немецкого романтизма на немецкой почве (73). Предложенная классификация важна была потому, что содержала попытку целостного охвата явления, но схематизм ее и сведение романтизма к одному мотиву, одному, пусть даже важному свойству, приводили к упрощению и искажению картины, к характеристике Жуковского как «квиедиста и индифферентиста», который «удовлетворялся самыми минимальными дозами внутренней свободы» (79). Эта оценка содержала зерна того идеологического подхода, которые проросли позднее.

Исследователи творчества

- Литературовед Б. Эйхенбаум имел основание написать: «Несмотря на большую литературу, Жуковский ждет своего исследователя... Как это ни кажется парадоксальным, Жуковский одна из самых сложных проблем в истории русской поэзии». Б.М. Эйхенбаум писал об этом в своей книге «Мелодика русского лирического стиха» в 1922 году.

Книга Б.М. Эйхенбаума – важный шаг на пути изучения стиха Жуковского, его «приемов мелодизации». Но что не менее существенно: Эйхенбаум намечал новую тенденцию исследования поэзии Жуковского как историко-литературной и теоретической проблемы одновременно.

Исследователи творчества

- Судьба Жуковского в советский период зависела от господствовавших в обществе идеологических клише. Литературовед А.С. Янушкевич считает, что «теория «двух романтизмов» и отнесение поэзии Жуковского к реакционному ее направлению в определенной степени наложили отпечаток на изучение его творчества в 1930-1950-х гг.»^[1]. Преувеличение общественной пассивности поэзии, а то и прямое утверждение ее реакционности, недооценка поэтических открытий первого русского романтика тормозили развитие науки о Жуковском. Резкий спад интереса к исследованию его творчества – свидетельство определенного кризиса в изучении поэзии Жуковского и романтизма вообще.

^[1] Янушкевич А.С. В.А. Жуковский. – М., 1988, с. 35.

Исследователи творчества

- Своеобразие Г.А. Гуковского как исследователя поэзии Василия Андреевича проявилось прежде всего в изучении его поэтической системы, «идеи стиля». Связывая эти понятия с идеей романтической личности, литературовед делает целый ряд глубоких замечаний об эстетической и идеологической природе романтизма Жуковского. Литературовед пишет: «Жуковский скорее уж был агентом Пушкина и его круга при дворе, чем наоборот»^[1] Своеобразие Г.А. Гуковского как исследователя поэзии Василия Андреевича проявилось прежде всего в изучении его поэтической системы, «идеи стиля». Связывая эти понятия с идеей романтической личности, литературовед делает целый ряд глубоких замечаний об эстетической и идеологической природе романтизма Жуковского. Литературовед пишет: «Жуковский скорее уж был агентом Пушкина и его круга при дворе, чем наоборот»^[1], далее дает трактовку романтизма Жуковского, который «вовсе не был в своей сущности исторически реакционным явлением ни в эстетическом, ни, что то же самое, в ином аспекте – общеидеологическом отношении»^[2]. Данные замечания о противоречивости творчества Жуковского являются важным шагом в изучении сложной природы романтизма поэта. Столь же существенны и многие положения Гуковского о романтической эстетике поэта.
- Новаторство Гуковского как исследователя русского романтизма, в особенности поэзии Жуковского, проявилось в понимании многозначности поэтического слова. Это открытие огромной важности автор книги «Пушкин и русские романтики» связывает с процессами психологизации литературы, усложнения ее содержания.
- ^[1] Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М., 1965, с. 29.
- ^[2] Там же, с. 24.

Исследователи творчества

- Необходимо отметить работу коллектива кафедры русской и зарубежной литературы Томского университета по изучению библиотеки поэта, результатом которой явились три тома монографии «Библиотека В.А. Жуковского в Томске» [1].
- Работы Ф.З. Кануновой [2], изучившей и осмыслившей пометы и записи Жуковского в трудах Ш. Бонне, Э. Кондильяка, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма, материалы чтения поэтом произведений русской и европейской историографии, летописей внесли существенные уточнения в понимание философских и эстетических основ его романтизма.
- Исследования Н.Б. Реморовой [3] Исследования Н.Б. Реморовой [3], Э.М. Жияяковой [4] Исследования Н.Б. Реморовой [3], Э.М. Жияяковой [4], О.Б. Лебедевой [5] Исследования Н.Б. Реморовой [3], Э.М. Жияяковой [4], О.Б. Лебедевой [5], Н.Е. Разумовой [6] Исследования Н.Б. Реморовой [3], Э.М. Жияяковой [4], О.Б. Лебедевой [5], Н.Е. Разумовой [6], В.М. Костина [7], основанные на большом материале библиотеки и архива поэта поставили целый ряд проблем изучения эстетической позиции Жуковского, его отношения к немецкому просветительству и английскому романтизму, наметили жанровые аспекты его творческой эволюции.
- Изучение библиотеки поэта доказало, сколь необходимо дальнейшее насыщение исследований о Жуковском новыми материалами, до сих пор плохо систематизированными и просто не извлеченными из находящихся в разных местах рукописных собраний поэта. Введение этих материалов в научный оборот важно для уточнения некоторых устоявшихся суждений, разрешения привычных схем, для обогащения документальной основы биографии поэта.

- [1] Библиотека Жуковского в Томске. – Томск, 1978. – Ч.1; 1984. – Ч.2.
- [2] Канунова Ф.З., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский – читатель и критик А.С. Шишкова: По материалам библиотеки В.А. Жуковского // Русская литература, 1975. - №4.
- Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетика Жуковского. – Томск, 1990.
- [3] Реморова Н.Б. В.А. Жуковский и немецкие просветители. – Томск, 1989.
- [4] Жияякова Э.М. Жуковский – читатель Байрона // БЖ. – Ч.2.
- Жияякова Э.М. К вопросу о традициях сентиментализма в творчестве В.А. Жуковского // Проблема метода и жанра. – Томск, 1986. - Вып. 12.
- [5] Лебедева О.Б. Место баллады в жанровой системе переводов В.А. Жуковского из Шиллера // Проблемы литературных жанров. – Томск, 1987.
- [6] Разумова Н.Е. Формирование жанра лиро-эпической поэмы в творчестве В.А. Жуковского 1800-х годов // Проблемы литературных жанров. – Томск, 1987.
- [7] Костин В.М. Жуковский и Пушкин: К проблеме восприятия поэмы Р. Саути «Вальрик, последний из гетов» // Проблема метода и жанра. – Томск, 1986. - Вып. 6

Заключение

Жанровое мышление В.А. Жуковского синтетично и полифонично, в нем проявился полифонизм русской культуры в период ее могучего взлета. Писатель создал в своих произведениях впервые в русской литературе особый мир, расцвеченный средневековыми легендами, историческими преданиями, увлекательными тайнами, рыцарскими подвигами, возвышенной любовью, разбойничьими приключениями, лирическими переживаниями. Это был мир, не только населенный благородными и воинственными рыцарями, прекрасными дамами и мрачными разбойниками, но и соприкасающийся с загробной жизнью, мир, в котором живут и действуют наравне с живыми людьми мертвецы, привидения, ведьмы, колдуньи, черти, русалки, лешие. А.М. Микешин замечает: «Жуковский погружался сам и уводил за собой читателей в мир грез, легенд, чудес и призраков, возникающих на фоне соответствующих пейзажей – ночной тьмы, лунного света, таинственной мглы, кладбищенских развалин, средневековых замков»^[1]. Но это был и мир страданий и переживаний современного человека, пытающегося найти свое место в жизни, реализовать свое предназначение как личности, как художника и творца Жуковский осваивал и расширял сферу художественности, жанровые формы лироэпического мышления.

^[1] Микешин А.М. К вопросу о жанровой структуре русской романтической баллады // Из истории русской и зарубежной литературы XIX – XX вв. Кемерово. 1973. С. 11.